

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882

Научная статья / Research article

Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края

И.В. Самаркина , И.В. Мирошниченко , С.С. Мальцев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 smrkn@mail.ru

Аннотация. Для выработки эффективной модели государственной молодежной политики необходима конгруэнтность ее практик и их субъективного восприятия всеми ее участниками. Теоретическая модель субъективного пространства политики использована в работе для анализа эмпирических данных, отражающих состояние субъективного пространства отраслевой политики — государственной молодежной политики региона (Краснодарского края). На основе данных массового опроса молодежи, фокус-групповых интервью и серии экспертных сессий с представителями органов власти и других субъектов, реализующих государственную молодежную политику, определены основные мотивы активности молодежи в форматах молодежной политики региона, выявлен конструктивный и негативный потенциал общественной активности молодежи, выявлены основные социальные профили молодежи и описаны их содержательные параметры. Сделан вывод о включенности молодежи во взаимодействия с властью для решения собственных проблем или проблем других людей. Показано, что максимальным потенциалом вовлечения молодежи в социальную активность обладают социальные проекты и проекты развития территорий, деятельность политических партий, местное общественное самоуправление. Отмечен имеющийся потенциал протестного участия молодежи. Описаны профили молодежи по степени выраженности социальной ориентации: потребители (ориентация на себя, решение собственных проблем) и преобразователи (ориентация на решение проблем других людей); а также профили молодежи по степени выраженности лидерских позиций и социальной активности: лидеры и ведомые.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, лидеры в молодежной среде, субъективное пространство молодежной политики

Для цитирования: Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Мальцев С.С. Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 856–882. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>

© Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Мальцев С.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование «Молодежное лидерство в региональных практиках публичного управления развитием человеческого капитала: стратегии достижения успеха, возможности, результаты» выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2022–0013.

Leaders and Wingmen: Youth Policy in the Views of its Participants — an Evidence from Krasnodar Territory

Irina V. Samarkina , Irina V. Miroshnichenko , Sergey S. Maltsev

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 smrkn@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of young people's perceptions of regional youth policy. The authors use the theoretical model of the subjective space of politics to analyze empirical data reflecting the state of the subjective space of sectoral policy — the state youth policy of the Krasnodar Krai. The main motives of youth activity in regional youth policy are determined based on the data from a mass survey of young people, focus group interviews and a series of expert sessions with representatives of authorities and other entities implementing state youth policy. The article reveals the constructive and negative potential of young people's social activity, as well as identifies the main social profiles of young people and describes their content parameters. The authors conclude that young people are involved in interactions with the authorities to solve their own problems or the problems of other people. They show that social projects, territorial development projects, the activities of political parties and local self-government have the biggest potential for involving young people in social activity. They also note the existing potential of young people's participation in protests. The authors describe the profiles of young people according to two parameters: according to the severity of social orientation young people are divided into consumers (orientation towards themselves, solving their own problems) and transformers (orientation towards solving other people's problems); and according to the degree of leadership positions and social activity they are characterized as leaders and followers.

Keywords: youth, youth policy, youth leaders, subjective space of youth policy

For citation: Samarkina, I.V., Miroshnichenko, I.V., & Maltsev, S.S. (2022). Leaders and wingmen: Youth policy in the views of its participants — an evidence from Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 856–882. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № № 21-011-31480 «Youth policy in a Russian region: Ideas and expectations of young people VS practices and technologies».

Введение

Молодежь является социальной группой, которая постоянно находится в центре общественного внимания и в фокусе государственной политики. Широкий социальный интерес определяется тем, что молодежь видится ресур-

сом социально-экономического развития; структуры государственной власти и гражданского общества рассчитывают получить политическую поддержку молодежи, вовлечь ее наиболее активных представителей в конвенциональные формы социально-политической активности. Случившиеся в последние несколько лет протестные движения, в которых основную массу участников составили представители младшей возрастной когорты молодежи, заставляют общество и государство не ослаблять внимание к этой группе, найти те исследовательские техники и практические управленческие технологии, которые способствовали бы пониманию и синхронизации представлений молодежи о себе и о тех мерах, которые реализуют органы государственной власти в сфере молодежной политики.

Исследование представлений молодежи о государственной молодежной политике расширяет теоретические представления о субъективном пространстве политики и позволяет глубже понять структуру и содержательное наполнение концепта субъективного пространства отраслевой политики. В практическом плане исследование представлений молодежи о молодежной политике становится частью процесса налаживания эффективной обратной связи между (в широком смысле) обществом и государством, между (в узком смысле) объектом и субъектом реализации государственной политики.

Цель

На основе проведенного комплексного исследования выявить отношение молодежи к молодежной политике, определить социальные профили российской молодежи и соответствующие им специфические конфигурации субъективного пространства молодежной политики (в Краснодарском крае).

Материалы и методы

Ключевой *методологией* для исследования представлений участников политики о ее компонентах, практиках и результатах стала феноменология [Гуссерль 2005], позволяющая исследовать представления как результат восприятия жизненного мира молодежи, детерминированного особенностями ее социального статуса, этапа социализации и субъектностью в системе социально-политических отношений. Деятельностный подход позволил анализировать социальные общности как потенциальных субъектов политической деятельности, имеющих политический модус всех своих сущностных проявлений — познавательной активности, эмоционально-оценочного подхода к миру, поведенческих ориентаций; исследовать политический потенциал социальных общностей в пространстве социального взаимодействия [Арендт 1992]. Гуманистическая концепция молодежи И.М. Ильинского [Ильинский 2001] использована для понимания механизмов формирования и реализации субъектной позиции молодежи. Оценка успешности и результативности институциональных решений

в сфере молодежной политики и дальнейшее их проектирование было основано на понимании молодежи как ресурса, который следует развивать [Roth, Brooks-Gunn 2003; Lerner 2017], в том числе с учетом особенностей субъективного восприятия ею практик реализации политики [Социальное государство... 2020], и возможностей создания для этого особых институциональных условий [Hart 2008].

Предметное поле исследований институциональных и социокультурных аспектов государственной молодежной политики представлено междисциплинарными работами зарубежных и отечественных ученых.

Современные подходы к формированию государственной молодежной политики описаны в работе Ю.А. Зубок и соавторов, анализирующих приоритеты и направления государственной молодежной политики в России и особенности реализации государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровнях [Зубок, Ростовская, Смакотина 2016], а также работах других авторов. Особый интерес представляют исследования, анализирующие зарубежный опыт становления и эволюции институтов и инструментов молодежной политики [Соколов 2009; Баронина, Зуляр 2019].

Большой пласт работ по молодежной проблематике посвящен проблемам участия молодых людей в политической жизни государства. Одни авторы видят серьезную проблему снижения активности молодежи, с которой сталкиваются современные демократии [Norris 2003; Henn, Foard 2012], другие отмечают, что с изменением характера политических действий начали появляться новые формы политического участия [Kestilä-Kekkonen 2009; Sloam 2016].

Социально-политическая активность российской молодежи в последнее десятилетие является популярным исследовательским полем. В этом ключе предметом социологических и политологических исследований являются ценностные ориентации молодых россиян. Исследователи отмечают низкий уровень доверия к власти при слабом уровне познаний в сфере политики и истории, позитивное отношение к «героям из интернета», стремление к независимости, открытость миру¹. Интегрированность значительной части молодежи в ценностную систему общества соседствует с наличием доли молодых людей (порядка 20 %), склонных к отрицанию позитивных практик и к нигилизму [Ценностные ориентации... 2017]. В системе ценностных ориентаций молодежи наиболее значимыми политическими ценностями являются мир, права человека, безопасность, свобода и справедливость, наименее значимой — национализм [Селезнёва 2020; Селезнёва, Антонов 2020]. Вместе с тем исследования показывают, что «наиболее важные ценности россиян остаются неизменными... — семья, безопасность

¹ Волков Д. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения: 04.02.2022) (Левада-центр включен в список организаций, выполняющих функции иностранного агента).

и надежность»². В 2022 г. существенно увеличивается важность справедливости, финансового благополучия, самостоятельности. Снижается ценность просвещения, увлеченности и азарта, бунтарства.

В целом вопрос о поколенческой дифференциации политических ценностей в современном российском обществе является актуальным и дискуссионным. Так, Н.М. Великая и О.П. Новоженина [2021] делают вывод о высоком уровне преемственности в идеологических предпочтениях и о имеющемся ценностном расколе российского общества, что затрудняет выработку сценария модернизации, который устраивал бы все социальные группы. Несмотря на относительно высокий потенциал поддержки действующей власти, в общественном мнении присутствует хорошо артикулированное несогласие с текущим политическим курсом.

Исследователями определены условия, влияющие на специфику и формы политического участия молодых людей, а также интегративные условия для эффективной активизации политического потенциала молодых граждан [Комарова 2016; Макарова 2014; Гундарь, Пальцев 2017].

В ряде работ рассматриваются механизмы и технологии вовлечения молодежи в социально-политические практики [Нигматуллина 2013; Стагнеева 2013; Мартынова, Яницкий, Зеленин, Пфетцер 2019]. Авторским коллективом под руководством С.Ю. Поповой описаны успешные социально-политические практики молодежи в контексте реализации государственной молодежной политики в России [Государственная молодежная политика... 2019]. Популярна тематика общественно-политической активности молодежи [Гукова 2015; Мельников 2015; Кочетков А.В., Кузьмина 2017; Шашкова и др. 2019; Негров 2021; Гришин 2021].

Вместе с тем, несмотря на актуализацию научного поиска по проблематике молодежи и молодежной политики на ее различных уровнях, в современном междисциплинарном знании сохраняется дефицит работ, отражающий комплексный подход к исследованию институционального и социокультурного измерения пространства молодежной политики и характеристик их конгруэнтности.

Методика эмпирического исследования включала фокус-групповые интервью с представителями молодежи на уровне муниципальных образований по системе бинарных сравнений: «включенные» (субъекты, акторы) и «невключенные» (объекты) в систему молодежной политики Краснодарского края (14 фокус-групповых интервью); экспертные сессии с представителями институциональных структур, участвующих в выработке и реализации молодежной политики Краснодарского края (12 экспертных сессий), онлайн-анкетирование молодежи (объем выборки 1661 респондент), а также сбор и дескриптивный анализ статистических, социологических и цифровых данных, отражающих социально-демографический портрет молодежи и институциональный ландшафт молодежной политики региона.

² Ромир: Семья, безопасность и надежность — главные ценности россиян // РОМИР. Эл. документ. URL: <https://romir.ru/studies/romir-semya-bezopasnost-i-nadejnost--glavnye-cennosti-rossiyan> (дата обращения: 15.03.2022).

Результаты

В статье представлены результаты и обобщение, основанные на данных массового опроса и фокус-групп, относительно мотивов участия молодежи и востребованных ею форматах молодежной политики, а также относительно определенных на основе количественных и качественных данных социальных профилей молодежи. Результаты массового опроса показали в целом включенность молодежи во взаимодействия с властью для решения собственных проблем или проблем других людей. Значительная часть опрошенной молодежи в той или иной форме участвовала в разных формах общественной активности для решения тех или иных собственных проблем. Только 15,9 % опрошенных ответили, что ни в чем подобном им не приходилось участвовать (рис. 1).

Самыми массовыми формами участия в общественной активности для решения своих проблем оказались онлайн-акции и флешмобы (их упомянули 42,4 % опрошенных), волонтерская деятельность (36,1 %), сбор средств, вещей для оказавшихся в трудной жизненной ситуации (31,6 %), выборы в органы власти разного уровня (27,8 %), социальные проекты или программы развития сообществ (25,6 %). Реже всего для решения собственных проблем молодые люди участвуют в протестных акциях (4,2 % опрошенных), в деятельности политических партий (5,5 %), в деятельности религиозных организаций (7 %), в работе домовых комитетов или местном общественном самоуправлении (7,2 %), в деятельности профсоюзных организаций (9,8 %). Показательно, что самые массовые формы общественной активности связаны с интернет-пространством.

Рис. 1. Общественная активность молодежи Краснодарского края (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What forms of social activity have you PARTICIPATED in to solve YOUR OWN problems?

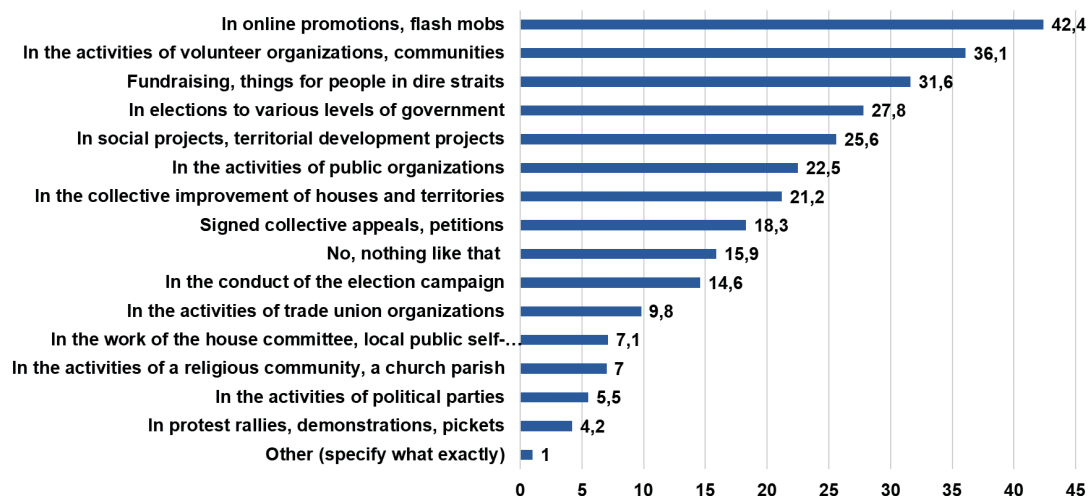

Figure 1. Social Activity of the Youth of the Krasnodar Territory (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Для оценки *потенциала* социальной активности молодежи мы спросили о том, в каких формах общественной активности они *готовы* участвовать для решения своих проблем (рис. 2). В иерархии ответов на этот вопрос в сравнении с предыдущим вопросом отличий нет. Топ-5 выборов и нижние позиции полностью совпадают.

В каких формах общественной активности Вы ГОТОВЫ УЧАСТВОВАТЬ для решения СОБСТВЕННЫХ проблем?

Рис. 2. Потенциальная активность молодежи Краснодарского края (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What forms of social activity are you WILLING TO PARTICIPATE in to solve YOUR OWN problems?

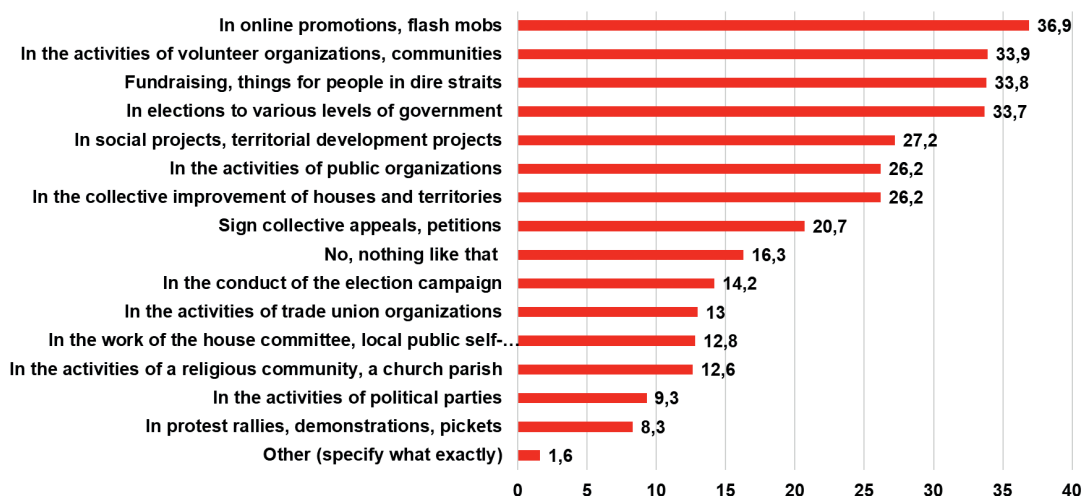

Figure 2. The Potential Activity of the Youth of the Krasnodar Territory (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Если сопоставить доли полученных ответов, можно выявить те направления общественной активности, куда молодежь в ближайшее время готова включиться для решения собственных проблем (рис. 3). Максимальная положительная дельта (разница между готовностью участвовать и реальным участием) говорит о потенциале вовлечения молодежи в эти формы общественной активности.

Потенциал вовлечения молодежи в форматы реализации молодежной политики (мотив — решение собственных проблем)

Рис. 3. Потенциал вовлечения молодежи Краснодарского края в форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

The potential of youth involvement in the formats of youth policy implementation (motive - solving their own problems)

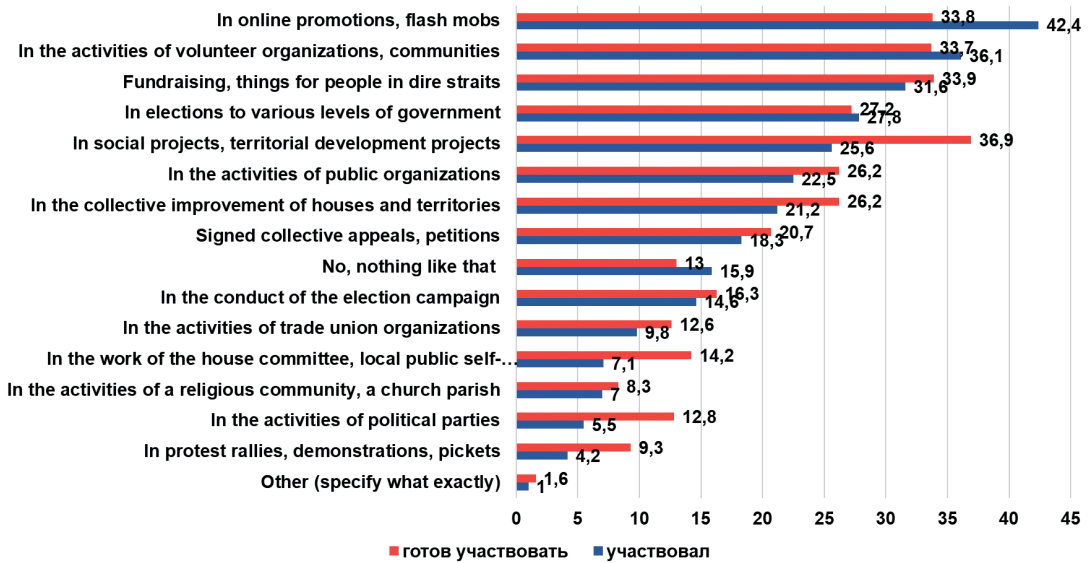

Figure 3. The Potential of Involving the Youth of the Krasnodar Territory in The Formats of Youth Policy Implementation (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Максимальным потенциалом вовлечения молодежи в социальную активность обладают социальные проекты и проекты развития территорий (11,3 %), деятельность политических партий (7,3 %), местное общественное самоуправление (7,1 %). Обладают потенциалом вовлечения молодежи (но в меньшей мере) и другие формы общественной активности: сбор средств, благотворительная деятельность, деятельность общественных, профсоюзных и религиозных организаций, благоустройство домов и территорий, петиции, коллективные обращения, участие в проведении избирательных кампаний. Отдельно необходимо отметить имеющийся потенциал протестного участия (5,1 %).

Отрицательная дельта (разница между готовностью участвовать и реальным участием) говорит о том, что формат общественной активности молодежь в настоящее время не востребован, его нужно модернизировать. Обращает на себя внимание, что востребованность онлайн-форматов существенно снижается (–8,6 %), меньше молодежи готово участвовать в волонтерской деятельности (–2,4 %) и в выборах в органы власти различного уровня (–0,6 %). Объяснение такого отношения к существующим форматам общественной активности заключается в специфике цифрового поколения молодежи, чья политическая социализация происходила в контексте цифровой социализации, «представляющей человеку социальную адаптацию, интериоризацию и интеграцию» [Малькевич 2019: 9]. Важно, что, несмотря на внутреннюю дифференциацию цифрового поколения, подгруппы которого отличаются разным соотношением традиционных и постматериальных

компонентов в системах ценностей, объемами социального капитала, в том числе формирующегося в онлайн-пространстве, а также особенностями социализационного опыта [Радаев 2019], для его представителей характерны включенность в различные формы социальной активности в онлайн-пространстве и ориентация на социально-политические изменения [Ядова 2020].

Новые конвенциональные формы социально-политической активности граждан, в том числе современной российской молодежи, исследователи определяют как «культуру соучастия», которая необходима для актуализации различных форм гражданской солидарности, сотрудничества [Мирошниченко, Рябченко 2017]. В то же время результаты нашего эмпирического исследования показали, что пандемия коронавируса способствовала, с одной стороны, интенсификации «перехода» практически всех видов деятельности молодежи (обучение, досуг, профессиональная деятельность и потребление и др.) в онлайн-пространство, а с другой — накоплению «усталости» от онлайн-форматов. В рамках фокус-групповых интервью участники отмечают, что хотели бы «живых людей, живых коммуникаций и общения», которые могли бы подтвердить, что демонстрируемые в социальных сетях и социальных медиа «картинки», «сюжеты» и «установки» являются не частью конструируемой кем-то реальности, а реальной деятельностью реальных людей и организаций.

Примечательно, что для решения проблем других людей молодежь готова включиться практически во все предлагаемые форматы общественной деятельности (рис. 4).

Потенциал вовлечения молодежи в форматы реализации молодежной политики (мотив — решение проблем других людей)

Рис. 4. Потенциал вовлечения молодежи Краснодарского края в форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

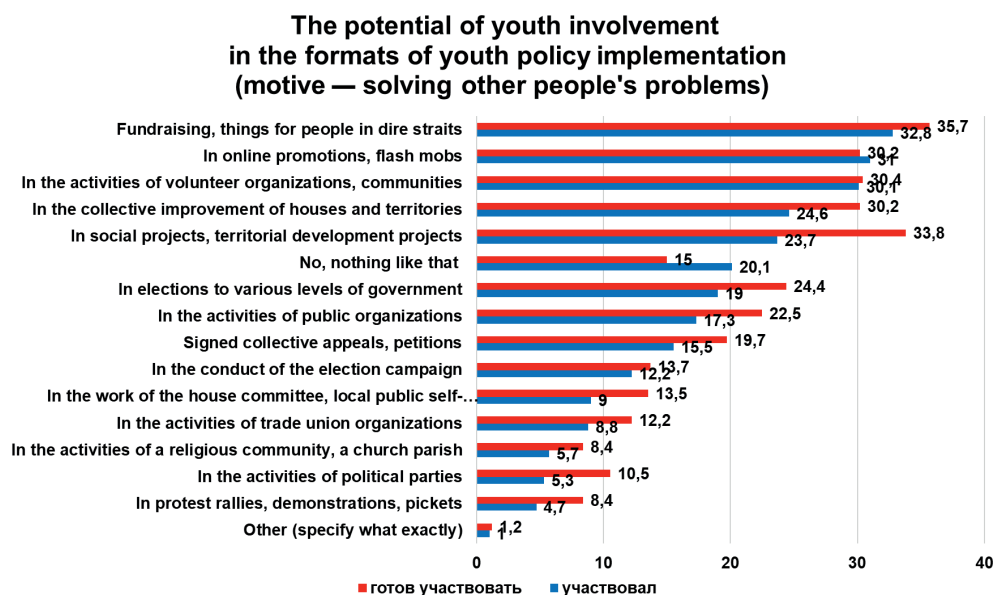

Figure 4. The Potential of Involving the Youth of the Krasnodar Territory in The Formats of Youth Policy Implementation (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Наиболее востребованными молодежью форматами реализации молодежной политики в Краснодарском крае (рис. 5) сегодня является молодежное самоуправление (40,6 %), творческая деятельность в формате форумов и креативных пространств (онлайн и офлайн) (32,6 %) и деятельность различных молодежных общественных организаций (28,1 %). Остальные направления государственной молодежной политики интересны менее 15 % опрошенной молодежи Краснодарского края. Как показывают результаты фокус-групповых интервью, высокую популярность приобретают практики включенности представителей молодежи в молодежные парламенты. Пережив в последние три года «историю» институционального переформатирования для создания «рабочих версий» молодежных парламентов, данные структуры стали «крыльями» представительных органов власти органов местного самоуправления наиболее крупных городов Краснодарского края (Краснодара, Сочи, Геленджика, Анапы). Молодые парламентарии на общественных началах становятся помощниками действующих депутатов муниципальных образований, не только погружаясь в актуализацию проблематики и выработку способов решения проблем конкретных городских округов и сельских поселений, но и включаясь в проблемные и профессиональные политические сообщества территорий, накапливая опыт успешной общественной деятельности и социальный капитал.

Форумные и креативные пространства приобрели популярность благодаря развитию в последние несколько лет на территории региона «Точек кипения» как части широкой общероссийской сети инфраструктурных площадок «Агентства стратегических инициатив»³ и арт-пространств. «Точки кипения», созданные

³ «Точка кипения» АСИ — пространство для коллективной работы. URL: <https://asi.ru/media/58754/> (дата обращения: 15.03.2022).

на территории Краснодарского края, стали востребованными для форматов совместной проектной работы различных профильных и проблемных молодежных сообществ, организации пространства общего поля коммуникации и распространения идей и практик технологического и социально-экономического развития. Креативная молодежь получила возможность реализовывать свои творческие идеи и проекты в пространстве арт-резиденций, которые отрывают новые ресурсные возможности для творческих коллективов и сообществ (сцены, студии видео- и звукозаписи и др.). В отношении молодежных общественных организаций, как показывают результаты фокус-групповых интервью, скорее формируется «запрос» на включенность в их деятельность, нежели чем дается оценка их эффективности. Отмечая уникальность созданной в 2019 г. краснодарской краевой молодежной общественной организации «Кубанский союз молодежи» (<https://kubsomol.org>), участники фокус-групп отмечают дефицит ее реальной деятельности на уровне муниципальных образований Краснодарского края при амбициозности и перспективности заявленных ее лидерами целей и проектов организации, которые привлекательны для молодежи региона.

Результаты опроса показывают противоречивость представлений молодежи о молодежной политике и дифференцированность молодежной когорты. Это ярко видно на примере отношения к молодежному самоуправлению. Это направление реализации молодежной политики вызывает наибольший интерес (40,6 %) молодежи, и в то же время 26,4 % опрошенных считают это направление бесполезным (рис. 6). Больше 10 % опрошенных считают бесполезными для себя следующие направления молодежной политики Краснодарского края: деятельность молодежных общественных организаций (13,7 %), проекты и мероприятия патриотической направленности (13 %), форумы и креативные пространства (11,7 %), поддержка молодежного предпринимательства (11,6 %).

Какие из перечисленных направлений молодежной политики для Вас представляют наибольший интерес?

Рис. 5. Востребованные молодежью форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Which of the following areas of youth policy are of the greatest interest to you?

Figure 5. Formats of Youth Policy Implementation in Demand by Young People (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Какие из перечисленных мероприятий, на Ваш взгляд, являются бесполезными для молодежи Краснодарского края?

Рис. 6. Не востребованные молодежью форматы реализации молодежной политики (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Which of the listed events, in your opinion, are useless for the youth of the Krasnodar Territory?

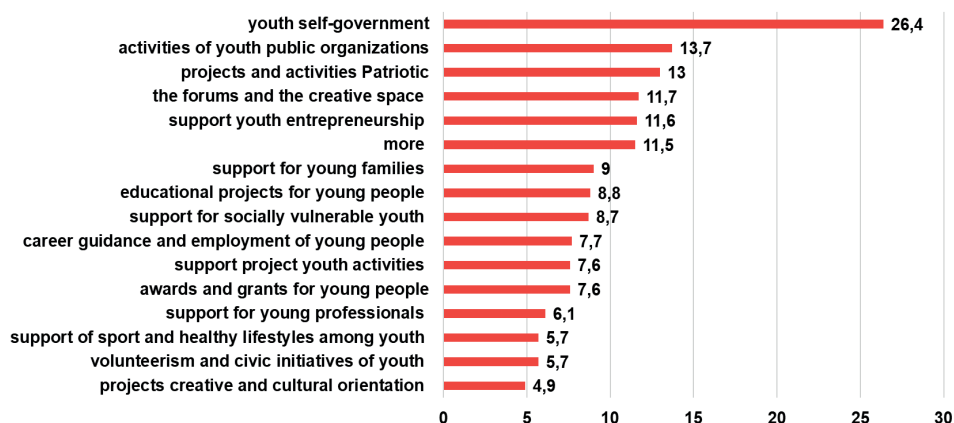

Figure 6. Formats of Youth Policy Implementation That Are Not in Demand by Young People (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Важно подчеркнуть, что фокус внимания на ключевых мотивах, определяющих социальную активность молодежи, позволяет дифференцировать молодежную когорту и выступает одним из факторов, определяющих социальные профили современной молодежи региона. Подавляющее большинство молодежи мотивированы на социальное действие для решения собственных проблем (рис. 7), вместе с тем они готовы к активным социальным действиям для того, чтобы решать проблемы окружающих.

К какой категории людей вы себя относите? (% респондентов от числа опрошенных)

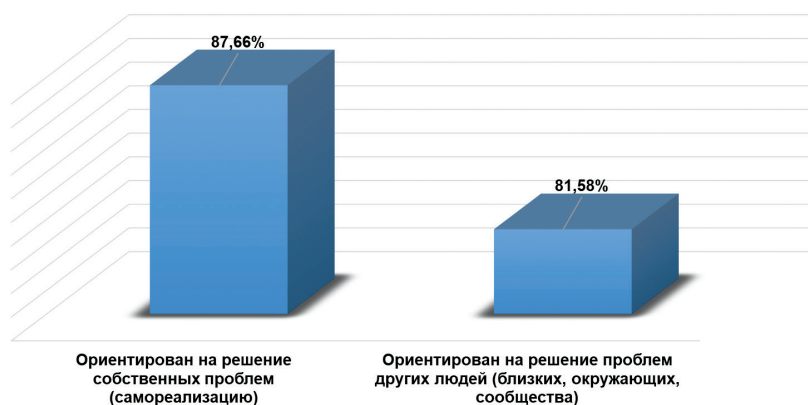

Рис. 7. Выраженность социальной ориентации молодежи (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What category of people do you consider yourself to be? (% of respondents from the number of respondents)

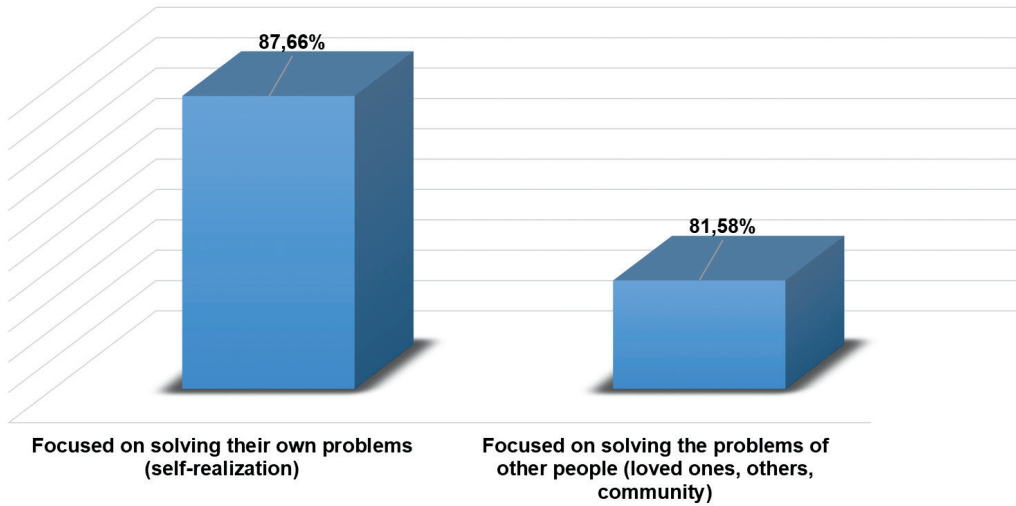

Figure 7. The Severity of the Social Orientation of Youth (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research

Топ-3 проблем, мотивирующих молодежь на социальную активность, составили: социальные проблемы (56 % респондентов готовы включиться в их решение), экологические проблемы (46,4 %) и гражданские (33,8 %). Меньшим потенциалом мотивации обладают экономические (29,2 %) и политические (23,1 %) проблемы. Не видят необходимости социальной активности 7,3 % опрошенных (рис. 8).

Какие общественные проблемы кажутся для вас настолько важными, что вы готовы включиться в их решение? (% респондентов от числа опрошенных)

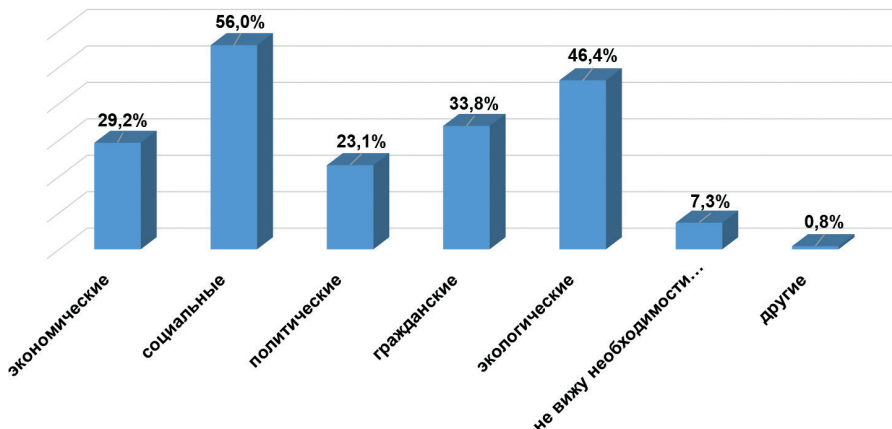

Рис. 8. Готовность включиться в решение проблем молодежью (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What social problems seem so important to you that you are ready to get involved in their solution? (% of respondents from the number of respondents)

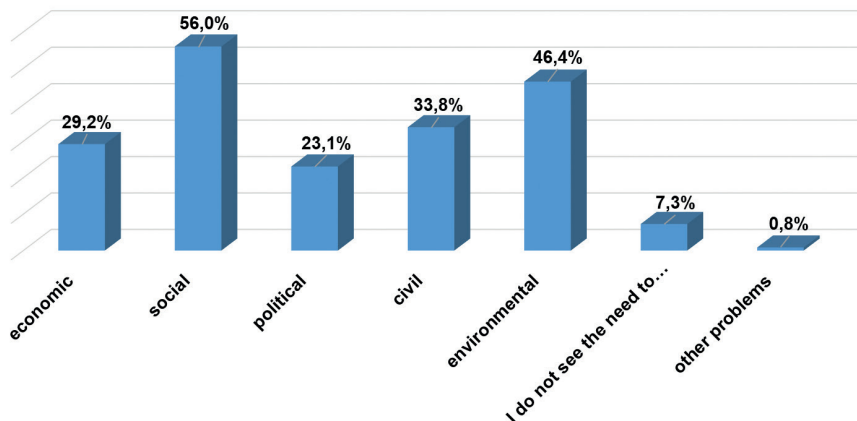

Figure 8. Willingness to Get Involved in Solving Problems by Young People (according to the results of a survey of young people from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Результаты опроса показали, что относительно своей жизни молодое поколение занимает субъектную позицию: 94 % респондентов заявили, что готовы самостоятельно решать собственные проблемы и нести за это ответственность (рис. 9). Однако зона и масштаб ответственности относительно других людей значительную часть молодежи пугает (рис. 10).

К какой категории людей вы себя относите? (% респондентов от числа опрошенных)

Рис. 9. Выраженность степени ответственности молодежи за решение собственных проблем (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What category of people do you consider yourself to be? (% of respondents from the number of respondents)

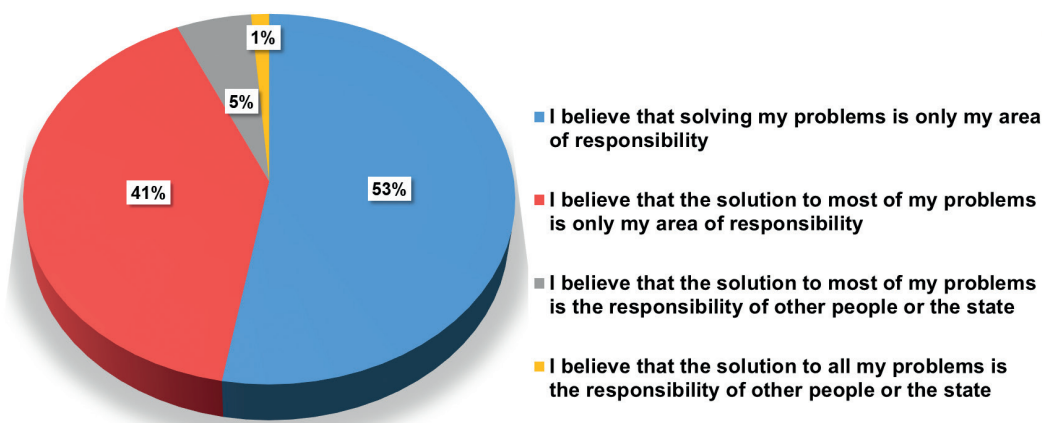

Figure 9. The Severity of the Degree of Responsibility of Youth for Solving Their Own Problems (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Несмотря на то, что 81,58 % респондентов от числа опрошенных заявили, что ориентированы на решение проблемы других людей, брать ответственность за их решение готово всего 32 % («я готов брать на себя ответственность за все решения относительно других людей» — 14 %, «я готов брать на себя ответственность за многие решения относительно других людей» — 18 %).

Результаты фокус-групповых интервью также показали дифференциацию установок молодежи в отношении их ответственности в решении собственных проблем и проблем других людей, которые соотносятся с представлениями молодежи в отношении институциональных моделей государственной молодежной политики. Данные представления можно описать в рамках субъектно-деятельностной и государственно-патронажной моделей молодежной политики. По мнению участников фокус-групповых интервью, субъектно-деятельностная модель молодежной политики — «это дело молодых», при этом субъекты молодежной политики должны быть не только ориентированы на потребности, проблемы и мнения/оценки молодежи, но и создавать условия для формирования у молодежи способности самостоятельно принимать решения в отношении собственных проблем и участвовать в их практической реализации. Представления участников фокус-групп о молодежной политике как государственно-патронажной модели подтверждаются их позициями, что «молодежная политика — это деятельность государства по созданию условий для развития молодежи», которые, в первую очередь, связаны с «мерами финансового и материального стимулирования, обеспечения высокого уровня жизни молодого поколения при финансовой поддержке государства».

Следует также отметить, что патерналистские установки молодежи актуализируются в условиях разного рода кризисов и ситуаций неопределен-

ности. Так, результаты исследований ВЦИОМ, которые были озвучены в июне 2022 г., на заседании Научного совета ВЦИОМ «Ценностная консолидация и/или размежевание российского общества на фоне специальной военной операции», показывают, что современная молодежь более склонна перекладывать ответственность за себя на государство, политиков и родителей, и ей в большей мере свойствен патернализм⁴.

К какой категории людей вы себя относите? (% респондентов от числа опрошенных)

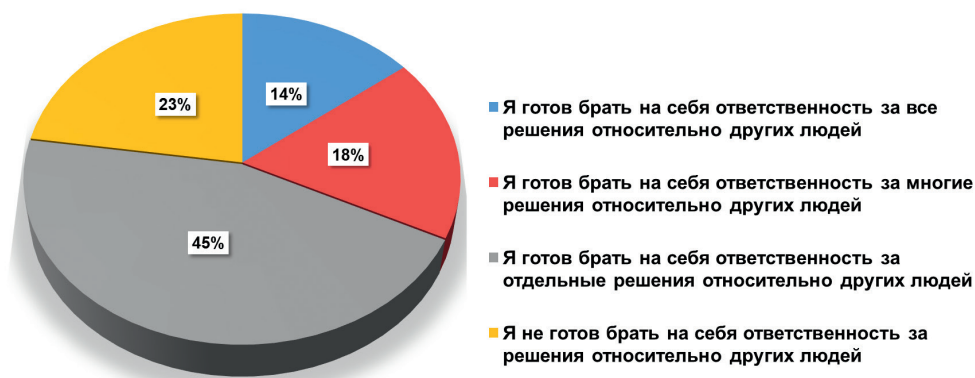

Рис. 10. Выраженность степени ответственности молодежи за решение проблем других людей (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

What category of people do you consider yourself to be? (% of respondents from the number of respondents)

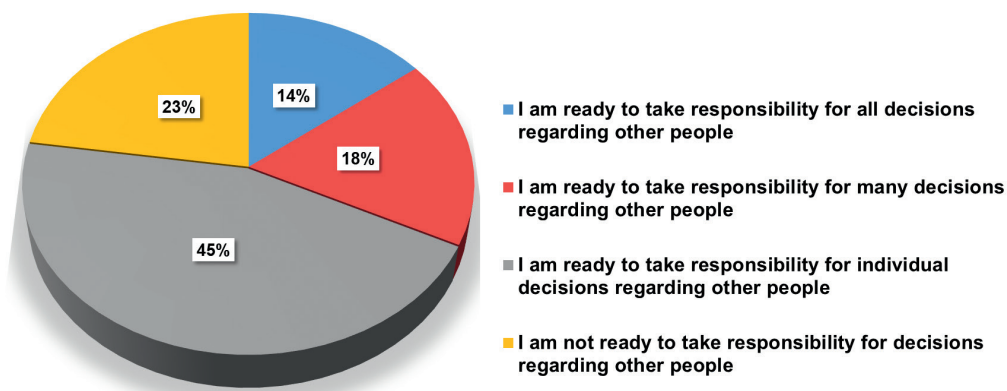

Figure 10. The Severity of the Degree of Responsibility of Youth for Solving Other People's Problems (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

⁴ VK-видео: ВЦИОМ. Заседание Научного совета ВЦИОМ: «Ценностная консолидация и/или размежевание российского общества на фоне СВО». 30 июня 2022 в 17:01. URL: https://vk.com/video/@wciompage?z=video-28944118_456239263%2Fclub28944118%2Fpl_-28944118_-2.

Результаты опроса показывают, что имеющийся потенциал активности, характерный для этой социальной группы, не реализуется вследствие понимания груза ответственности, который лежит на лидере. Большинство респондентов (85 %) по результатам онлайн-опроса определили свою жизненную позицию как активную, предполагающую реализацию лидерского потенциала, 52,3 % респондентов отметили, что для них комфортно быть пассивными и идти за лидером, что соотносится с данными об уровне ответственности (32 % респондентов), которые готовы нести представители молодежи в решении проблем других (рис. 11).

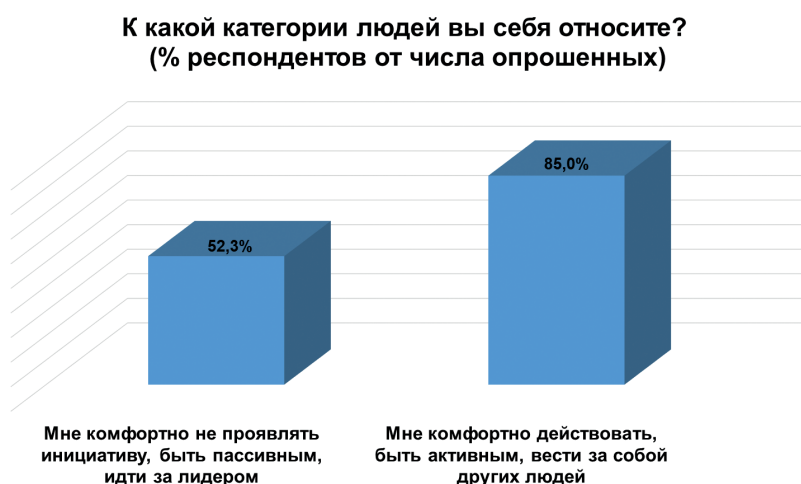

Рис. 11. Выраженность лидерских позиций молодежи (по результатам опроса молодежи от 14 до 35 лет, N = 1661, ноябрь 2021 г.)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

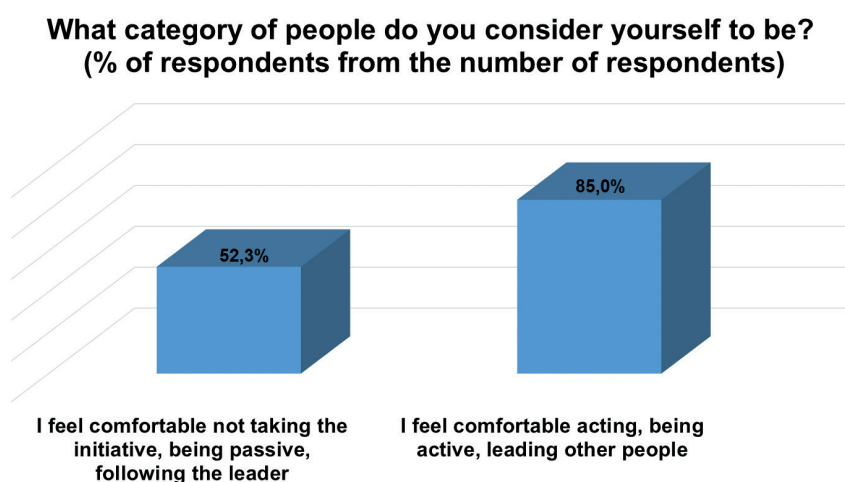

Figure 11. The severity of youth leadership positions (according to the results of a survey of youth from 14 to 35 years old, N = 1661, November 2021)

Source: made by authors, data collected in the research.

Обсуждение

По результатам качественного анализа транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи и результатов экспертных сессий с субъектами молодежной политики Краснодарского края были выделены социальные профили молодежи, основаниями для которых стали четыре ключевые характеристики по двум шкалам сравнения:

а) по степени выраженности социальной ориентации: *потребители (ориентация на себя, решение собственных проблем) и преобразователи (ориентация на решение проблем других людей)*;

б) по степени выраженности лидерских позиций и социальной активности: *лидеры и ведомые*.

Данные характеристики складываются в несколько «чистых» социальных профилей молодежи Краснодарского края: «потребители», «преобразователи», «активисты» и «ведомые», которые преимущественно воплощаются в гибридные профильные сообщества молодежи.

Профиль «потребителя» отличается в первую очередь актуализированными потребностями представителей молодежи в высоком уровне дохода и качестве жизни / комфортном образе жизни: *«молодые люди сконцентрированы на том, что свое благо превыше всего»; «...так или иначе, человек, заботясь о себе, должен чувствовать себя частью чего-то целого. Все мои друзья, знакомые, все думают о себе...», «вся молодежь хочет зарабатывать и зарабатывать много, но вот этой вот поддержки нет...»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи). В свою очередь, высокий уровень дохода позволяет, по мнению участников фокус-групповых интервью, реализовать другие приоритетные для этой профильной социальной группы молодежи потребности в саморазвитии, качественном досуге и разнообразном общении. Данная категория молодежи в большей степени ориентирована на собственную реализацию в экономической сфере, не исключая и возможность заняться предпринимательской деятельностью при должной поддержке со стороны государства.

Профиль «преобразователя» отличается доминированием ярко выраженной социальной ориентацией, связанной с потребностями молодежи включаться в решение проблем других людей, сообществ, территорий. Важными «связующими» для двух социальных профилей молодежи являются потребности в высоком уровне дохода и самореализации, однако для «преобразователей» они необходимы для наращивания достаточного багажа компетенций и участия в решении общественных проблем, в развитии конкретных сообществ и территорий, в создании чего-то нового: *«потребность в чем-то новом, что может заинтересовать и заставить развиваться в каком-то новом для себя направлении»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи). В отличие от «потребителей» «преобразователи» заинтересованы в постоянном личностном и профессиональном развитии, что будет способствовать, по их мнению, «...формированию уверенности в будущем... это какое-то профориентирование, понимание, что делать на каждом этапе в жизни... куда идти и зачем» (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Профиль «активист» характеризуется активной жизненной позицией, которую демонстрируют как «преобразователи», так и «потребители», что проявляется в их включенности в социальные коммуникации, обретении авторитета в молодежной среде, закреплении статуса формального или неформального лидера. Однако «преобразователи» и потребители по-разному воспринимают феномен молодежного лидерства, обращая внимание в фокус-групповых дискуссиях на ценностные и карьерные компоненты в лидерских моделях. Для «потребителей» лидеры — это представители молодежи, занимающие формальные статусные позиции в качестве руководителя молодежной организации, органа управления по делам молодежи и др. и демонстрирующие вертикальные карьерные стратегии в сфере региональной молодежной политики. «Потребители» используют институциональную систему молодежной политики как набор «социальных лифтов» в собственной достижительной стратегии, способствующей удовлетворению таких потребностей, как *«достаток, комфортный образ жизни... отдых, спорт, путешествия и немножко поработать»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Лидер в представлениях «преобразователей» — это человек, умеющий вдохновлять на изменения, достижение нового и конкретных результатов. «Реальные» молодежные лидеры имеют профессиональные и надпрофессиональные компетенции в сфере молодежной политики и несут ответственность за результаты своей деятельности, своей команды: *«Человек просто должен гореть своим делом, то есть ты приходишь с инициативой к этому человеку — он понимает, и если мы можем это реализовать, то мы это делаем. То есть это лидер-наставник»*. *«Сейчас не хватает грамотных руководителей. Очень много таких людей, которые на бумажке являются руководителями, но на деле ничего не могут решить. Многие боятся ответственности, если честно»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи). «Преобразователи» отмечают также, что в молодежной среде формируются модели лидерства в виде лидеров-карьеристов или цифровых лидеров мнений с негативными социальными эффектами, которые проявляются в пропаганде потребительского образа жизни и практик девиантного поведения, использовании хайповых стратегий (привлечение интереса к ранее непримечательным объектам, событиям, которые традиционно имели негативные общественные оценки), формировании своих медийных образов: *«...современные лидеры мнений скорее просто развлекают молодежь. Они не несут что-то новое и полезное...»* (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Профиль «ведомые» характеризует молодежь со слабовыраженными потребностями и интересами, несформированными устойчивыми ценностными ориентациями и демонстрацией пассивной жизненной позицией. Однако при создании определенных условий, прежде всего связанных с реализацией возможностей для их саморазвития, «ведомые» готовы включаться в деятельность, проекты, мероприятия: *«...ведомым ребятам нужен и важен какой-то пример»*

интересный, за которым они готовы следовать» (из экспертных сессий с субъектами региональной молодежной политики), «нам нужны реальные люди с их реальными делами, ресурсами и результатами... чтобы мы не слушали о них, а видели, могли с ними пообщаться... понять, что это реально работает» (из транскриптов фокус-групповых интервью с представителями молодежи).

Эмпирические данные онлайн-анкетирования представителей молодежи Краснодарского края показали, что в «чистом» виде выделенные по результатам качественного анализа фокус-групповых интервью и экспертных сессий профили молодежи составляют 1/5 часть респондентов. Остальная часть опрошенных респондентов (80 %) демонстрирует при ответах на вопросы, которые позволяют идентифицировать соответствующие профильные характеристики, гибридные формы.

Важно, что различия в профильных характеристиках «потребителей» и «преобразователей», идентифицированных в результате онлайн-анкетирования по соответствующим показателям: «ориентирован на решение собственных проблем» и «ориентирован на решение проблем других людей» — определяются исключительно ценностными предпочтениями молодежи, при незначительных различиях в половозрастных и социально-статусных характеристиках, места проживания респондентов.

Заключение

Эффективная интеграция молодежи в общество возможна при взаимном встречном движении, открытости и готовности всех участников этого процесса слышать и понимать друг друга. Иными словами, субъективное пространство молодежной политики должно стать конгруэнтным реальному политическому пространству в этой сфере. Лидеры молодежной среды в этом процессе играют чрезвычайно важную роль проводников изменений и переводчиков языка институциональных действий и процессов на понятный для молодежи язык повседневности.

В проектировании государственной молодежной политики важно учитывать особенности восприятия целевыми группами молодежи собственных проблем и способов их решения, которые предлагает и конструирует государство. Избирательность молодежной политики с точки зрения ее институциональных механизмов реализации и направленности на целевые аудитории (талантливая, социально активная и девиантная молодежь) препятствует формированию перспективных положительных эффектов в молодежной среде, связанных с развитием инновационного потенциала молодежи и сохранением социально-политической стабильности страны. Создание реальных механизмов обеспечения трансфера результатов исследования «картины мира» молодежи в комплекс мероприятий и проектов в структуре выработки и реализации государственной молодежной политики позволит выработать не только единые маркеры коммуникации, но и общий «связующий» различные группы молодежи и субъекты политики дискурс дальнейшего

развития России. В свою очередь, конструируемый в символическом пространстве дискурс развития требует практического воплощения в проектах развития территорий и сообществ, приближенных к потребностям и интересам молодежи, в которых она выступает в качестве субъекта, а не объекта деятельности.

Актуализация лидерского потенциала в проектируемых практиках государственной молодежной политики будет способствовать созданию условий для формирования субъектной позиции молодежи, обеспечивать ее мотивационно обоснованную включенность в созидательную социально-экономическую, социально-политическую и социокультурную деятельность, в процесс выработки публичных решений, за которые необходимо нести ответственность. Краснодарский край, в данном исследовательском контексте, представляет собой регион, в котором актуализированы потребности молодежи в реализации собственной субъектной позиции, сложились определенные локальные практики, позволяющие раскрыть инновационный потенциал молодежи как субъекта инновационного развития (отдельные молодежные муниципальные программы территорий, современная креативная инфраструктура в городах Краснодарского края, молодежный парламентаризм). Перспективы реализации эффективной государственной молодежной политики в регионе в том числе будут зависеть от определения способов актуализации молодежного лидерства и механизмов интеграции лидеров в эффективное конвенциональное взаимодействие в системе публичного управления региона с учетом их ожиданий и представлений российской молодежи.

Поступила в редакцию / Received: 17.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 07.07.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Арендт Х.* Традиции и современная эпоха // Вестник МГУ. Серия 7, Философия. 1992. № 1. С. 80–85.
- Баронина А.А., Зуляр Р.Ю.* Реализация государственной молодежной политики на современном этапе в странах Европы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. № 30. С. 40–53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40>
- Великая Н.М., Новоженина О.П.* Социально-политические ценности в образе будущего российских граждан как основание политической и экономической модернизации страны // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 3(67). С. 596–605.
- Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / под общ. ред. С.Ю. Поповой. М.: Аквилон, 2019.
- Гришин Н.В.* «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 47–60. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>

- Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 156–159.
- Гундарь Е.С., Пальцев И.М. Новые формы молодежной политической активности в Российской Федерации (на примере Юга России) // Современная наука и инновации. 2017. № 4 (20). С. 235–239.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Избранные работы / сост. В.А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 443–459.
- Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «Перспектива», 2016.
- Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
- Комарова М.С. Механизмы формирования и реализации общественно-политического потенциала российской молодежи: проблемы и интегративные условия // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 226–231.
- Кочетков А.В., Кузьмина О.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: становление и развитие. 1992—2017 // Пространство открытых возможностей: издание к 25-летию современной государственной молодежной политики и Нац. Совета молодежных и детских объединений России / ред.-сост. Г.В. Петушков. М.: Нац. Совет молодеж. и дет. об-ний России, 2017. С. 18–48.
- Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2019. № 6. С. 89.
- Макарова О.А. Современные тенденции политического участия молодежи // Власть. 2014. № 12. С. 39–42.
- Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 160–167.
- Мельников А.В. Формирование общественно-политического потенциала российской молодежи в процессе политической социализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 5. С. 105–109. <https://doi.org/10.12737/14302>
- Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 4. С. 6–21.
- Негров О.В. Роль и особенности политического онлайн активизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 18–31.
- Нигматуллина Т.А. Технология добровольчества как инструмент социализации молодежи // Евразийский Союз: Вопросы международных отношений. 2013. Вып. 3–4 (4–5). С. 120–129.
- Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Селезнёва А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Селезнёва А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Соколов А.В. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестник международных организаций. 2009. № 1 (4). С. 84–99

- Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0584-0>
- Стагнеева А.В. Развитие молодежного волонтерства: социально-технологический подход // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. С. 51–54.
- Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / под общ. ред. С.В. Чуева. М.: Издательский дом ГУУ, 2017.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Асеева Т.А., Казанцев Д.А. Проблема эффективности институциональных форм политического участия молодежи (на примере Алтайского края и Новосибирской области) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 192–204.
- Ядова М.А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 181–188.
- Hart R.A. Stepping Back from ‘The Ladder’: Reflections on a Model of Participatory Work with Children // *Participation and Learning: Perspectives on Education and The Environment, Health and Sustainability* / ed. by A. Raid et al. New York: Springer 2008. P. 19–31.
- Henn M., Foard N. Young People, Political Participation and Trust in Britain // *Parliamentary Affairs*. 2012. № 65 (1). P. 47–67.
- Kestilä-Kekkonen E. Anti-party Sentiment Among Young Adults // *Young*. 2009. № 17 (2). P. 145–165. <https://doi.org/10.1177/110330880901700203>
- Lerner R.M. Liberty: Thriving and Civic Engagement Among America’s Youth. Thousand Oaks, Calif.: SAGE Publ.; 2017. <https://doi.org/DOI: 10.4135/9781452233581>
- Norris P. Young People and Political Activism: From the Politics of Loyalties to the Politics of Choice? // *Young people and democratic institutions: from disillusionment to participation*. Paper presented to the Council of Europe Symposium, Strasbourg, 27–28th November 2003.
- Roth J.L., Brooks-Gunn J. What Exactly Is a Youth Development Program? Answers from Research and Practice // *Applied Developmental Science*. 2003. № 7. P. 94–111. https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0702_6
- Sloam J. Diversity and Voice: The Political Participation of Young People in the European Union // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2016. № 18 (3). P. 521–537.

References

- Arendt, H. (1992). Traditions and the Modern era. *Bulletin of Moscow State University. Series 7. Philosophy*, 1, 80–85. (In Russian). [Arendt, H. (1977). Tradition and the Modern age. In *Between Past and Future* (pp. 17–40). London: Penguin Classics].
- Baronina, A.A., & Zulyar, R.Yu. (2019). Current implementation of youth policy in European states. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”*, 30, 40–53. (In Russian). <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.30.40>
- Chuev, S.V. (Ed.). (2017). *Value Orientations of Russian Youth and The Implementation of State Youth Policy: Research Results*. Moscow: Publishing House of GUU. (In Russian)
- Grishin, N.V. (2021). Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 47–59. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>
- Gukova, I.N. (2015). Promising forms of youth’s socio-political activity development in the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*, (21), 156–159. (In Russian).
- Gundar, E.S., & Paltsev, I.M. (2017). New forms of youth political activity in the Russian Federation (On the Example of the South of Russia). *Sovremennaa nauka i innovacii*, 4(20), 235–239. (In Russian).

- Hart, R.A. (2008). Stepping back from “the ladder”: Reflections on a model of participatory work with children. In A. Reid, B.B. Jensen, J. Nickel, & V. Simovska (Eds.), *Participation and Learning. Perspectives on Education and the Environment, Health and Sustainability* (pp. 19–31). New York: Springer.
- Henn, M., & Foard, N. (2012). Young people, political participation and trust in Britain. *Parliamentary Affairs*, 65(1), 47–67.
- Husserl, E. (2005). The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. In V.A. Kurennoy (Ed.), *Izbrannye raboty* (pp. 443–459). Moscow: Territoriya budushchego. (In Russian). [Husserl, E. (1989). *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Evanston: Northwestern University Press.]
- Ilinskii, I.M. (2001). *Youth and Youth Policy: Philosophy. History. Theory*. Moscow: Golos. (In Russian).
- Kestilä-Kekkonen, E. (2009). Anti-party sentiment among young adults. *Young*, 17(2), 145–165. <https://doi.org/10.1177/110330880901700203>
- Komarova, M.S. (2016). Mechanisms of formation and realization of political potential of the Russian youth: Problems and integrative conditions. *Administrative Consulting*, 5(89), 226–231. (In Russian).
- Lerner, R.M. (2017). *Liberty: Thriving and Civic Engagement Among America's Youth*. Thousand Oaks, Calif.: SAGE Publ. <https://doi.org/DOI: 10.4135/9781452233581>
- Makarova, O.A. (2014). Modern trends in political participation of youth. *Vlast*, (12), 39–42. (In Russian).
- Martynova, T., Yanitskiy, M., Zelenin, A., & Pfettser, S. (2019). Voluntary activity as a form of social and civil activity of student youth. *Professional Education in Russia and Abroad*, 1(33), 160–167. (In Russian).
- Melnikov, A.V. (2015). Formation of political potential of the Russian youth in the course of political socialization. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 5(10), 105–109. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/14302>
- Nigmatullina, T.A. (2013). Technology of volunteering as an instrument of youth socialization. *Eurasian Union: Issues of International Relations*, 3–4(4–5), 120–129. (In Russian).
- Norris, P. (2003). Young people and political activism: From the politics of loyalties to the politics of choice? *Young people and democratic institutions: from disillusionment to participation*. Paper presented to the Council of Europe Symposium. Strasbourg, 27–28th November.
- Popova, S.Yu. (Ed.). (2019). *State Youth Policy in Russia: Socio-Psychological Foundations and Technologies of Implementation*. Moscow: Akvilon. (In Russian).
- Roth, J.L., & Brooks-Gunn, J. (2003). What exactly is a youth development program? Answers from research and practice. *Applied Developmental Science*, 7, 94–111. https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0702_6
- Sadovaya, E.S., Tsapenko, I.P., & Grishin, I.V. (Eds.). (2020). *The Welfare State in The Mirror of Social Transformations*. Moscow: IMEMO RAN. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0584-0>
- Selezneva, A.V. (2020). Political values of the Russian youth: Socio-cultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*, 11(3), 20–32. (In Russian). <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). The value bases of the civic consciousness of the Russian youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (58), 227–241. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Sloam, J. (2016). Diversity and voice: The political participation of young people in the European union. *The British Journal of Politics and International Relations*, 18(3), 521–537.

- Sokolov, A.V. (2009). European youth policy institutional structure. Origin and development. *International Organizations Research Journal*, 1(4), 84–99. (In Russian).
- Stagnееva, A.V. (2013). the development of youth volunteer's activity: A socio-technological approach. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, (2), 51–54. (In Russian).
- Zubok, Yu.A., Rostovskaya, T.K., & Smakotina, N.L. (2016). *Youth and Youth Policy in Modern Russian Society*. Moscow: Perspektiva. (In Russian).

Сведения об авторах:

Самаркина Ирина Владимировна — доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0205-8543)

Мирошниченко Инна Валерьевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: mirinna78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-2650-6662)

Мальцев Сергей Сергеевич — аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (e-mail: malcevse1990@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-6712-4380)

About the authors:

Irina V. Samarkina — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Head of Management and Psychology Faculty, professor of Public policy and Public Management Department, Kuban State University (email: smrkn@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0205-8543)

Inna V. Miroshnichenko — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: mirinna78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-2650-6662)

Sergey S. Maltsev — Postgraduate of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: malcevse1990@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-6712-4380)